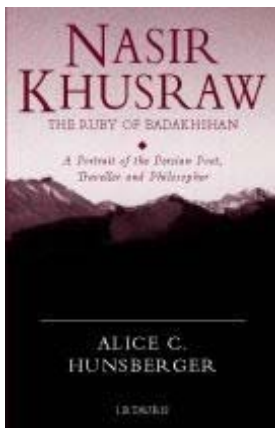

Институт Исследований Исмаилизма

Насир Хусрав, Рубин Бадахшана:

Портрет персидского Поэта, Путешественника и Философа

Элис К. Хансбергер

*Лондон и Нью Йорк: И.Б. Таурус при сотрудничестве с
Институтом Исследований Исмаилизма, 2000. 2003.
292 стр.*

Перевод на Персидский язык, Ф. Бадрей. Тегеран: Фарзан, 2001.

Перевод на Таджикский язык в кириллической транскрипции, Н. Зурбек. Душанбе: Нодир, 2003.

ISBN 1 85043 919 2 (HB)

1 85403 926 5 (PB)

Краткий справочник Жасмин Мамани

Пришедшее тысячелетия не уменьшил актуальность работ Насира Хусрава, и не уничтожил блеск его поэзий, а напротив продолжает возвышать и вдохновлять нас, напоминая нам, что мы - авторы своей судьбы. Как он говорил, мы можем либо походить на дерево тополь, которое хочет оставаться неплодородным, или мы можем позволить себе осветить свой путь свечой мудрости, ибо только «интеллектом, мы можем найти ответы на все вопросы. Без него мы - всего лишь деревья без фруктов».

Его Высочество Ага Хан¹

Введение

Один из великих персидских поэтов и главных сподвижников мусульманского мышления, Насир Хусрав привлекает интересы поклонников и критиков в течение почти тысячи лет. Его уважают за сочиненные поэзии, которые соединяют искусство с философией, и критикуют за его теологические работы. Он остается одним из самых великих личностей в мусульманской истории и литературе.

Сафарнама (Книга Путешествия), является его собственным сочинением о семилетнем путешествии по Средней Азии, Средиземноморским побережьям, Египту, Аравии и обратно домой. Эту книгу изучают из-за детальных описаний многих городов, обществ и традиций которые посетил Насир. Стихи его поэзий - *Диван* появляются в каждой главной антологии персидской поэзии, собранные после его смерти начиная с 1077г. Сегодня, его проза и его поэзия изучают школьники в Иране и в

Краткий справочник к работе «Насир Хусрав, Рубин Бадахшана: Портрет Персидского поэта, путешественника и философа»

Таджикистане, и его *касиды* (оды) воспевают сообщества в Средней Азии.

Яркая и неотразимая работа Элисы Хансбергера о жизни и деятельности Хусрава представляет собой краткий очерк об этом экстраординарном человеке.

Выдержками из его писаний, она дает читателям понять сущность его жизни, личности и особенности. Книга, легко читается и написана в стиле рассказа. Она вводит читателя в богатое прошлое, которое Насир Хусрав так красиво описывает во время своего путешествия:

Этот человек не только посетил Иерусалим; он измерил этот город, своими ногами, шаг за шагом. Этот человек не наблюдает за людьми во время работы; он спрашивает их, что они делают и почему. Этот человек, не только слушает местные традиции; он проверяет их. Когда местные жители сказали ему, что в определенной долине около Иерусалима, которую называют Долиной Ада, так как с верху можно услышать крики людей в аду, он проверяет это, чтобы убедиться самому: 'я сходил туда, но ничего не услышал,' говорит он (*Сафарнама*, 22; *Рубин Бадахшана*, 33).

Для обычных читателей и для специалистов эта книга может служить источником детальной исторической информации об Исфахильском *дава* (миссия) во времена Фатимидского Халифата – Имамата. Она также представляет собой детализированное описание мест, людей и событий, которые уместны в контексте общей истории Ислама.

Структура и Содержание Книги

Книга разделена на 12 глав, которые рассказывают о Насире Хусраве в различных стадиях его жизни и остановок в его путешествиях, предоставляя комментарий к особенностям Исфахильской философии. Неоплатоническая

Диван XIII/XIX в.

философия¹ Насира изящно переплетается в рассказах Хансбергера о его путешествиях: в Иерусалиме, в его анализе философии Бога; в Каире, его обсуждение философии Интеллекта; и по пути обратно домой, о его философии Души.

В этой книге можно найти краткое общее представление о его жизни и писаний, включая краткие описания содержания

¹ Современный термин школы философии, которая произошла в III веке нашей эры, основанный на обучении Платона и последователей его учения. Неоплатонисты считали себя последователями учения Платона; однако, их интерпретация Платона воспринималась другими, слишком по-разному и не соответствовал собственному учению и писаниям Платона. Неоплатонизм также был также представлен средневековыми мусульманскими и еврейскими мыслителями, как ал-Фараби и Маймундес, и возродилась снова с находкой и переводом греческих и арабских Неоплатонических текстов.

каждого из его отредактированных работ, включая его поэзию, книгу путешествия и философские тексты. Хансбергер тщательно исследует самые существенные биографические заметки других авторов о Насире Хусраве в прошлом тысячелетии, и измеряет их правдивость и точность. Она также включает в работу хронологию событий и карты, иллюстрирующей семилетнее путешествие Хусрава.

История Насир Хусрав

Первая глава 'Жизнь, возвысившаяся над судьбой' представляет собой краткое общее представление о жизни Насири Хусрава в течение четырех ключевых периодов: первые малоизвестные годы жизни Насира, вплоть до его религиозного обращения приблизительно в возрасте сорока лет; семилетняя поездка, когда он написал свой *Сафарнама* и некоторые ссылки в его поэзии; его возвращение домой, в Хорасан, в качестве главы дава Исмаилитов в этой области; и, наконец, его изгнание на Памир, в горный район Бадахшана, Йумган.

Содержание и контекст писаний Хусрава в этой главе (*Сафарнама*, *Диван* и философские тексты) представляют собой понимание характера Насири Хусрава, которое предоставляет читателю возможность оценить силу его духа и устойчивость.

Хансбергер показывает, что он был высокого мнения о физическом мире и талантливых людей, которые могли улучшить этот мир:

“Этот человек не только посетил Иерусалим; он измерил этот город, своими ногами, шаг за шагом.”

“...для Насира Хусрава время на восхищения миром, проходила слишком быстро, а он хотел достичь в жизни некоторые цели, найти некоторые ответы на вопросы о том, почему все это существует. Почему мир, почему человеческое счастье, почему человеческая печаль...?”

Но, для Насир Хусрава время на восхищения миром, проходила слишком быстро, а он хотел достичь в жизни некоторые цели, найти ответы на вопросы о том, почему все это существует.

Почему мир, почему человеческое счастье, почему человеческая печаль, почему красивый жемчуг находится внутри уродливых паршивых устриц? (5).

Хансбергер представляет читателям примеры поэтического навыка

Насира, его взгляд на жизнь, таких мотивов как применение интеллекта вместо того, чтобы обвинить судьбу в неудачах. Проследившая драматическое изменение в жизни Хусрава, когда он решает, что жизнь придворного поэта или администратора является слишком поверхностным для него, Хансбергер демонстрирует читателю, что события его путешествий связаны с развитием его работы и близких отношений между изучениями и работами в его жизни.

‘Еретик, Чародей или Правитель,’ вторая глава, исследует мифы, истории и писаний о Насире Хусраве, его современниками и другими писателями. Читатель узнает о различных литературных источниках, которые ссылаются на работы Насира

Хусрава, и получает информацию о трудностях с которыми сталкивались ученые при исследовании его личности и исторических событий, в которых он участвовал, соединяя нити источников. Исходя из этих исследований, автор знакомит нас с характером Насира Хусрава, “с настоящим человеком, который жил и развивался в течение долгого

времени, кто оказался перед лицом страха перед извилистыми духовными поисками и чья страсть к жизни питалась осуждением, что все имеет более высокие цели” (32).

Третья глава, 'Чудеса земные' детально рассказывает о раннем образовании Хусрава и его жизни при дворе: Насир и другие члены его семьи работали в правительственном аппарате Газнавидов и их преемников - Селджукидов. Исходя из этого можно предположит, что Насир был образован не только в литературе и в науке своего дня, но также и в изучении арабского языка, и в исследованиях *хадисов* и Корана.

Хансбергер указывает, что "его поэзия и проза наполнены упоминаниями реальных частей стихов Корана, высказывания Пророка и арабской поэзии" (37). Она приводит стихотворение из его *Дивана* и *касиду* как средство иллюстрации разных типов тем, метафор и конструкций поэзии, которые использовал Насир.

Этот пример описывает важность знания и обязанность каждого человека стремиться в его достижения.

Нет, небосвод тобой не занят! Ему земное не под стать...
Познавший истину не станет незнающего упрекать...
Скинь со спины поклажу долга, по чести действовать учась.
Зачем откладывать надолго, срок правосудию – сейчас!
Как счастья выпросишь у Неба и счет предъявишь бытию,
Когда во мрак уводишь слепо звезду счастливую свою.
(*Диван*, 64; *Рубин Бадахшана*, 39).

Преобразование

Духовное пробуждение Хусрава и его обращение в Иσμαилитской интерпретации Ислама – являются основной частью, 'Поворотный момент'. Эта глава начинается с открытия *Сафарнама*, где Насир Хусрав пересчитывает всю историю своего обращения, включая действенный сон, который дает ему понять, что его жизнь до того момента была одним из снов. Хансбергер

комментирует, что "первые две страницы [*Сафарнама*] таким образом содержат некоторые из самых существенных предложений во всем его корпусе. Они упакованы значением" (50). О трех предложениях, которые услышал Насир Хусрав от человека во сне, он говорит, что "они есть семена всего, что произошло в его жизни":

проявите внимание к ясности своих чувств;
всегда стремитесь развить свой разум и свою мудрость;
и ведите других к такой мудрости (54).

Сообщение в этих словах, доказывают, что Насир строго проявляет внимание к ним в течение всего своего путешествия и радикально изменяют его жизнь и судьбу.

Используя поэзию, которая содержит напоминания о его интеллектуальном и духовном развитии и используя, прозу как точку отправления, Хансбергер позволяет читателю постигать и участвовать в существенном моменте жизни Хусрава. Ниже приведена выдержка из стиха, которая иллюстрирует новое сознание Хусрава о себе и цели своей жизни:

Когда я постиг, что для каждого ценнее всего его тело,
Понял: среди людей некто должен быть лучшим,
Как сокол лучший меж птиц, верблюды – меж выюнных животных,
Пальма – среди деревьев, яхонт – среди камней,
Подобно Корану меж книг, Кааба – среди стрений,
Сердцу – меж органов тела, Солнцу – среди планет (56).

Пятая глава, 'Знание и Действие,' иллюстрирует пути, которыми Насир стремился проявить свое внутреннее изменения во внешней жизни, и с этой точки автор копается в сердцевину того, что лежит в основе писаний Насира о доктрине *захир/батин* в Исламе.

Краткий справочник к работе «*Насир Хусрав, Рубин Бадахшана: Портрет Персидского поэта, путешественника и философа*»

Используя примеры из его философских писаний в работе «Ваджхи Дин», она пытается оценить “один из самых важных уроков новообращенной жизни Насира, в этой метафоре: ‘цена драгоценного камня определяется не ее внешними качествами, но внутренними свойствами’ (72-73). Именно из этой метафоры Хансбергер выявляет, что Насир Хусрав видит, что “все проявленное, имеет скрытое качество, которое не является только сущностью его, но и действительно имеет объяснение, значение, истинное свое предназначение” (73).

Расширяя это высказывание в отношении пар противоположностей в физическом мире, Насир пишет:

Один элемент каждой пары дает о себе знать чувственным образом, а другой скрыт. Однако один не существует, и не может существовать без другого. Как и две стороны одной медали, восприятие одной стороны может рождать иллюзию единственности ее в каждый данный момент времени, но ведь и другая необходимо существует тогда же (75).

Эта метафора применена к религии:

И Священное Писание мусульман и Божественный Закон Ислама оба проявлены. Так, Коран, будучи книгой Господа, видим и осязаем, доступен каждому, равно как шариат. Но их внутренние значения и эзотерическая интерпретация (*таъвил*) скрыты от непосвященных. В то же время они открыты тем, кто располагает знанием. (Ваджхи Дин, 82; Рубин Бадахшана, 75).

Путешествия Насира

Шестая глава, ‘Путешествие Начинается,’ рассказывает о Насире, теперь преданного

Цена драгоценного камня определяется не ее внешними качествами, но и внутренними свойствами.

Насир Хусрав

Исмаилитской интерпретации Ислама, готового начать паломничество в Мекку, со своим братом, Абу Саидом. Он оставляет свою работу, свой дом, и свою семью, с суждением и обязательством изучить все, что сможет о философии и доктрине Исмаилитов. Оставшаяся часть этой главы прослеживает

его однолетнее путешествие в Иерусалим, с описаниями городов и людей, с которыми он встречался по пути.

Седьмая глава рассказывает обо всем, что видел Насир в святом городе Иерусалиме: культивирование маслин, риса и других продуктов в отдаленных областях, и технических деталей об укреплениях городов, общественных банях, и комнатах очищения в мечетях (109).

Он точно описывает святыне места и храмы города, подробно перечисляет святыни связанные с именами: Авраама и Сары, Исаака и Моисея, Иакова, его сына и жены. Насир замечает, что местное культивирование и производство около могилы Джозефа предоставляют всем паломникам пищу:

Каждому приезжему повседневно выделяется по круглому хлебу и чашке вареной в масле чечевицы и изюм. Этот обычай сохранился со времен Любимца Божиего вплоть до наших дней. Бывают дни, когда туда приезжает более пятисот человек, и всех ждут это угощение (137).

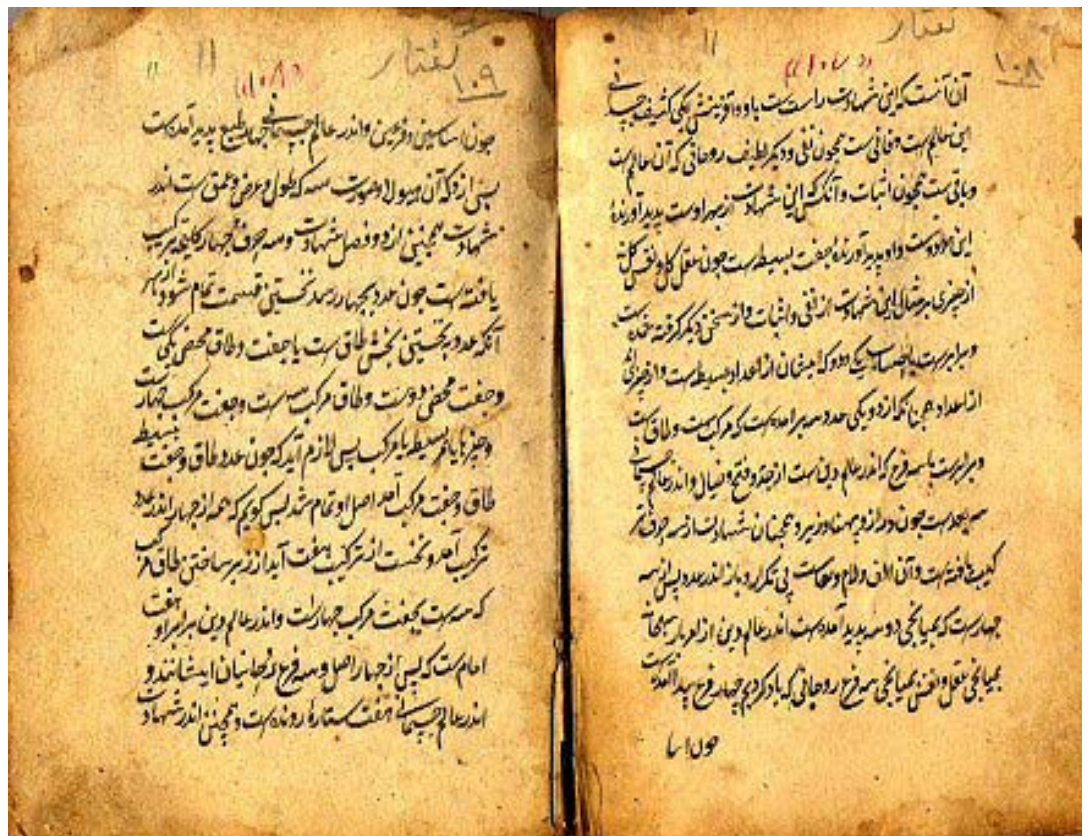

Хансбергер использует город Иерусалим, с многими священными местами молитвы и медитации, чтобы обсудить философию Насира относительно Бога; для Насира, 'Бог в Своей Самости (хуввиййат) превышает всего, и нет ничего подобного Ему' (Шаш фасл, 34; Рубин Бадахшана, 114). Кажущие противоречия между этими двумя подходами (один допускающий богоприсутствие в творениях этого мира и другой, Его абсолютное инакость) может быть рассмотрено как результат разных уровней интерпретации, что объясняется различиями аудитории, на которую ориентирован тот или иной текст нашего богослова² (115).

Доказательство превосходства Бога можно найти в Коран в таком стихе, как:

Скажи, Он – Бог единый, Господь предвечный. Он не рожден, и не был рожденным. И нет никого, кто был бы равным Ему. (Коран, 112:1-4; Рубин Бадахшана, 115-116).

Способ понимания Бога как нечто имманентное присутствует в таких

Ваджхи Дин XIII/XIX в

доктринальных положениях как Всемилоостивый (Он - *рахман*), Милосердный (Он - *рахим*), и Великодушный (Он - *икрам*), первые два, выражаются в широко известном призыве с которой, начинается каждая сура Корана: 'Бисмиллах ар-рахман ар-рахим,' что означает 'Именем Бога Всемилоостивого, Милосердного' (116). Далее она рассказывает о суждениях людей относительно человеческих отношений и понимание Бога посредством благодарностей и почитания, перед, завершением суждений относительно имманентности Бога (*тавхид*).

Восьмая глава 'Блеск Фатимидского Каира, предоставляет читателю детальное описание придворной жизни, политике, администрации, управлении и процветании во времена правления Фатимидского Халифа-имам а-Мустансира.

Автор обсуждает значение Калифов-имамов Фатимид, "которые являлись для своих

² Превосходящий, государство которое находится вне досягаемости или предчувствия; его противоположность - неотделимость. Господь, Созидатель, постиг внешний мир, который Он создает, и является Превосходящим. Господь, определяющееся ощущимым миром, или некоторой его частью, неизбежен (см. Anthony (Lord) Quinton, "Transcendence" in Alan Bullock and Stephen Trombley (eds.), *The New Fontana Dictionary of Modern Thought*. London, 2000, p. 881). *Wajh-i din* 13th /19th century

последователей авторитетами во всех исторических и духовных деяниях на земле” (141), поскольку они управляли и в вере и в политике. При этом, они воплотили основной принцип Шиитского Ислама. Согласно этому принципу, правомочный наследник (халифа) Пророка Мухаммада – Али был избран согласно

Божественному указанию: Сам Господь повелел Мухаммаду назначить своим

преемником Али, первого шиитского Имама. Таким образом, Насир Хусрав утверждает, халиф Фатимид, кровный потомок Пророка по линии его дочери Фатимы и ее мужа Али, - легитимный духовный наследник Али и вследствие этого имеет полномочия толковать Священный Коран. Поэзия из *Дивана* Насира хвалит Халифа-имам и отражает это теологическую доктрину:

Потомок Пророка взошел на место славного предка
Венец его гордо вознесся, Сатурна на небе достиг.
Ныне он – тот Избранник, Господом избран Самим.
К чему напрасные речи, к чему пустые слова?
Там, где по воле Бога Пророк восседал на престоле,
Ныне – его наследник волей Творца восседает.
(*Диван*, 232:70-72; *Рубин Бадахшана*, 141).

Проводя время при дворе Фатимидов, сам двор и Имам времени, оказали существенное влияние на веру и цель жизни Насира. Его поэзия залитая метафорами понимания Имамата, ярко иллюстрирующая духовную власть Имамов, известность *ахл ал-байта*, и назначение Хазрата Али законным

толкователем Корана *таъвил* (истинная интерпретация), возложенного на него Богом.

Был деревом мудрости Пророк наш, посему
Его потомки – плодоносные деревья.
Его достойны и наследники Али –
Сынов имеют, как и дочь Пророка.
Сыны Али – Истины Имамы,

Как их отец величием в мире славны.
Народам дал отец их справедливость,
Что удивляться, дети – все в отца.
(*Диван*, 31:25-27; 32; *Рубин Бадахшана*, 142).

Достоинства Фатимидского Каира, Насир описывает в *Сафарнама*, знаком мира, примечательным

управлением Фатимидских Калифов-имамов всей Империей. Насир отмечает об удовлетворении армии и ее связи с системой сбора налогов и общественного спокойствия. Он приветствует иерархический шкалу оплаты труда в системе правосудия, которая предоставляет безопасность в уязвимом обществе и защиту от коррупции. Уважение к ремесленникам (оплачивается полная заработная плата), и предоставления финансовой поддержки им, чтобы заплатить за обслуживание техники, штат и улучшение

обстановки мечетей, является дальнейшими примерами успешной администрации, которую Насир увидел при правлении Фатимидских Калифов-имамов (144-149).

Во владениях халифа население живет в полной безмятежности, никто не боится агентов халифа, и жители вполне уверены, что он никого не станет притеснять и никогда не позарится на чужое добро. (*Сафарнама*, 55; *Рубин Бадахшана*, 140).

В Каире Насир прожил три года, обучаясь вместе с Фатимидскими интеллектуалами, такими как поэты, теологи, филологи,

правоведы и астрономы. “В X-XI веках в Каире велись самые жаркие теологические и интеллектуальные диспуты, когда-либо имевшие место во всем мусульманском мире”. (155). Среди этого интеллектуального образа Хансбергер приводит читателей в глубины теории творения Насира, исследуя особенности его понимания Интеллекта (акл), другого важного принципа Исламитской интерпретации Ислама.

Девятая глава рассказывает о местах и ритуалах хаджа. Насир трижды выполнил паломничество в Мекку когда служил при дворе Фатимидского халифа-имама; третья поездка - только одна, которую он описывает в полных деталях, и отмечает начало своего возвращения назад домой.

Хансбергер красиво приводит к богатому наблюдению Насира о поездке начиная с Каира до Святого Города: о значимых местах и укрепление Ассуана; об опасностях связанные с путешествием паломников; о проверочных станциях для судов и перекрестных путей к Аравийскому полуострову (180-84). Насир изящно и в деталях описывает Каабу, его ориентир и местоположении в пределах Мечети ал-Харама; размер и детали двупольной двери, сделанной из тикового дерева, содержащего надписи и рисунки из золота и серебра; деревянная лестница, 'настолько широкая, что десять мужчин могут подниматься и спускаться по ней плечом к плечу на одной линии;' и богатое украшение завеса, покрывающая Каабу, белая³ ткань украшенная перевязями и медальонами с вышивкой золотой нитью (186).

Хансбергер указывает, что одно только внешнее благочестие – почти кощунство, для

Насира Хусрава оно сродни богохульству, поскольку религиозные обязательства он не считает выполненными, пока верующий не осознает значения совершаемых им действий. Насир “утверждает важность *захир* и *батин*, говоря, что истинная Вера требует претворения в жизни как и его экзотерического так и эзотерического ее аспектов” (188). Насир посвящает целую главу в *Ваджхи Дин*, внутреннему значению хаджа. Хансбергер дает выдержки из этой главы, чтобы выявить параллели которые провел Насир между внешними, материальным актом паломничества к Каабе, и внутренним, духовным странствием посвященного Исламита к познанию Имама (189).

Путешествие к Каабе требует запасов продовольствия и вьючных животных. Духовная аналогия провизии здесь – знание, а способы транспортировки олицетворяют фигуры *худжжат* и *даи*. Стоянки на пути в Мекку – это этапы постижения которых верующий достигает претворением в жизнь конкретных действий и обретением соответствующих знаний. То, что паломник расстается с очередной стоянкой (своим нынешним домом, то есть текущей ситуацией), каждый раз означает отказ от ложной веры продвижение по пути Истины. Для Насира Хусрава целью этого движения служит «Имам Времени, который есть Дом божественных знаний». Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что если Кааба – материализованная цель, для всех мусульман, то Имам и его знания – духовная цель исмаилитов (190).

Возвращение Насира в Иран

‘Путешествие Домой’ в Иран является началом десятой главы. Насир и его брат испытали радикальное изменение окружающей среды, начиная от богатства Фатимидского двора до того, чтобы лишиться всего в течение нескольких месяцев после отъезда из Мекки. Они сталкиваются с долгими задержками, в ожидании другого проводника, который должен был сопроводить их дальше и позаботиться об их

³ Цвет завесы Каабы меняются с течением времени: во времена царствования Суннитов Аббасидов она была черного цвета (как сейчас); во времена правления Фатимидов она стала белой и стал их официальным цветом (Рубин Бадахшана, 148).

безопасности. По пути на север, они, на несколько дней застряли в городе Басре, главном центре Шиитского благочестия и учения, где Насир посещает все 13 святынь в городе, посвященные Иمامу Али.

Для Насира физические изменения и пейзаж, с которым он сталкивается по пути домой, сравнимы с одинаково полноценной духовной поездкой. Именно поэтому поводу, Хансбергер приводит рассуждения философии Насира о Души, из его философской работы *Шаш фасл*.

Насир убежден, что в каждом из нас есть индивидуальная душа (*нафс-и джузи*), ведущая человека по жизни. Согласно Насиру именно эта душа а не разум стремится к знаниям, именно она управляет как разумом так и чувствами человека и руководить выбором между добром и злом (212).

Это понятие также показано в поэзии Насира, где душа является движущей силой человеческих актов, а интеллект представляет собой секретаря:

Душа твоя – над телом мудрый царь,
Сознание – секретарь, а разум – твой везир.
(*Диван*, 91:15; *Рубин Бадахшана*, 214).

Это красивая метафора, показывает, что разум человека является механизмом поиска индивидуальной души. Этот механизм даст ей возможность найти свой путь в разумном и материальном мирах, и позволить ей достигнуть совершенства (душа, несовершенна если она отделена от Бога). Этот пример также иллюстрирует осуждение Насира (как описано в пятой главе), что мы должны стремиться сделать внутреннюю декларацию изменения в нашей внешней жизни.

Глава Одиннадцать, 'Тучи сгущаются', отмечает третью фазу жизни Хусрава, когда он возвращается домой в Хорасан как главный *даи* Исмаилитов этой области, с

"императивом, передачи знания тем, которые им не владеют" (221). Этот стимул и ответственность разделить знание являются отражением пирамидальной структуры Фатимидского Исмаилитского *дава*, где знание передается в порядке - высшими рангами (Пророк и Имам), низшим рангам (*даи*⁴, *худжат*⁵, проповедники, и т.д.).

Хансбергер подчеркивает важное историческое последствие обучения и проповеди Хусрава в то время; многие люди обратились в исмаилизм, которые живут сегодня в современном Таджикистане, северного Афганистана и Пакистана⁶ которые "гордо заявляют, что их предки или даже все население региона были обращены Насиром Хусравом" (222). Его проповеди поставили его в рискованное положение у правящего Суннитского Аббасидского Халифата, в Багдаде, и он был вынужден искать убежище, в горах памирского Бадахшана в районе Йумган, прожив там последние годы своей жизни.

Лети Хорасана ласкающий ветер,
К тому, кто, как пленник, в Йумгане томится.
Остался он в этой теснине угрюмой
Без жизненных благ, без имения и сана.
(*Диван*, 208:1-2; *Рубин Бадахшана*, 9).

Хансбергер описывает вызовы и потери с которыми столкнулся этот экстраординарный философ-поэт, озлобленный и обиженный долгими

⁴Литературно означает миссионеров, в различных мусульманских сообществах, т.е., те которые 'вызывают' или призывают в Ислам. Среди мусульман Шиитов оно означает приглашение, признания *Имамата*. Используется как термин среди Исмаилитов до, и во времена Фатимидского правления и Аламутского периода истории Исмаилитов (см. '*даи*' в глоссарии в www.iis.ac.uk).

⁵Кораническое значение этого термина 'доказательство' и 'представление доказательства.' В Шиитском Исламе оно назначает Пророков и Имамов как 'доказательства' присутствия Бога на земле. В Исмаилитском *дава* до и во времена правления Фатимидов и в Аламутском периоде истории Исмаилитов оно также применялся к старшим *даи*, к тем, которые представляют Имама (см. '*худжат*' в глоссарии в www.iis.ac.uk).

⁶Члены этих сообществ также обосновались во многих частях мира, включая Европу, Канаду и США.

изгнаниями и напрасно потерянными юными годами. Она также демонстрирует, как “его артистический талант превращает эти эмоции в изящные поэтические отражение”:

Изгнанный скорпион меня ужалил в сердце,
Как будто небосвод измыслил муку для меня
(Диван, 6:1; Рубин Бадахшана, 228).

В этой двенадцатой и заключительной главе, ‘Обретение Славы’, мы видим, что несмотря на приводящий в уныние дух, в котором иногда пишет Насир, он поддерживает и демонстрирует абсолютную уверенность в божественной силе: “подобно тому, как могущественное колесо небесного свода, вместе с планетами и звездами, подчиняется определенным законам, тоже происходит и с людьми” (241). Хансбергер описывает четыре элемента или структуры, которые по мнению Насира, оказали влияние на его веру во времена изгнаний, структуры, которые позволяют Насиру “обретать веру в Бога, Пророка Мухаммада и его потомков – исмаилитских Имамов и с ее помощью реализовать возможность жить мудро в «этом» мире” (242).

Первый элемент - естественный порядок вещей, осмысление двойственности природы мироздания - *захир* и *батин*, которые существуют одновременно, и ни одна из этих составляющих не может обойтись без другой: “физического должно

“Хансбергер описывает вызовы и потери с которыми столкнулся этот экстраординарный философ-поэт, озлобленный и обиженный долгими изгнаниями и напрасно потерянных юных лет”.

“Стимул и желание возложенные на человека нужны чтобы использовать ‘свечу мудрости’, чтобы осветить свой путь и искать причину существования. Те, кто хочет воздерживаться и оставаться безразличными или не обращают внимания на то что окружает их, не смогут найти награду или плоды, которые кормят душу, и останутся ‘неплодородными деревьями”.

быть поставлено на службу духовному”⁷ (243). Второй элемент смотрит на все человечество с оптимизмом и уверенностью, что внутреннее ядро в конечном счете есть

хорошо; для Насира это - духовная жизнь людей, которая действительно имеет значение (245). Эта идея неоднократно появляется в поэзии Насира в виде метафор и упоминаний о ‘внутреннем драгоценном камне.’

Сей мир – глубокий океан, а в нем течет водою время,
Жемчужнице подобно тело, а в нем жемчужина – душа.
И если хочешь получить назначенную перлу цену,
Ученьем возвращай и пестуй жемчужину своей души.
(Диван, 145:47-48; Рубин Бадахшана, 245).

Третий элемент, у Насира, это уверенностью в том, что его вера истина: пониманию доступно больше, чем то, что лежит на поверхности мира и явлено во внешних формах природы и предписаниях религии и что эти скрытые знания были даны Пророку Мухаммаду и Иمامу Али (248). Утешение в его достижениях посреди изгнания является у Насира четвертым элементом, поскольку он

⁷Насир говорит о подсказках в физическом мире, которые ведут человека на поиски и путешествия (Рубин Бадахшана, 243). Они являются напоминаниями из суры Корана (30:20-25), который говорит о знаках которые Аллах передал человечеству: “И Его знаков является создание небес и земли, и различия Ваших языков и цветов кожи. Ло! Здесь действительно знамение знания людей” (30:22).

понимает что может считать все цели своей жизни достигнутыми: своей проповедью и писаниями, он “пытался, побудит себя и других к поиску Истины, не искал легких ответов и путей разрешения возникавших проблем” (250). Следующая линия поэзии Насира хорошо иллюстрирует эту идею, указывая на то, что человек в ответе за предпринятые меры личного поиска Истины, хотя Господь предоставил все остальное необходимое:

Хоть создает Господь и мать, и молоко ее, и груди,
Но молоко сосать дитяте придется все же самому.
(Диван, 25:22; Рубин Бадахшана, р. 251).

С этой мыслью, заключительная глава приводит нас к речи Его Высочество Ага Хана, цитированного в начале этого справочника: Стимул и желание возложенные на человека нужны чтобы использовать ‘свечу мудрости’, чтобы осветить свой путь и искать причину существования. Те, кто хочет воздерживаться и оставаться безразличными или не обращают внимания на то что окружает их, не смогут найти награду или фрукты, которые кормят душу, и останутся ‘неплодородными деревьями’.

Заключение

И я понял, пока я не изменю свою жизнь
Я никогда не найду счастье
(Сафарнама, 2; Рубин Бадахшана, 49).

Хансбергер оживляет характер и дух Насира Хусрава. Ее книга выражает все то, что имеет значение в название книги: ‘*Портрет персидского Поэта, Путешественника и Философа*.’ Ее стиль рассказа позволяет читателю визуализировать всего, что Насир видел и испытал, так же и зреть все удивительные места, которые он посещает, со всеми их историческими и культурными богатством. Во всей книге мы видим развитие и преобразование этого экстраординарного

человека, который ‘изменил не только свою жизнь,’ но и способы, которыми сообщества тысячелетиями понимают и выражают свою веру. Насир призывал своих последователей выражать свою веру всеми аспектами повседневной жизни.

Насир призывает людей чтобы они, в разных аспектах своей жизни, в молитве, или при демонстрации своей веры в виде паломничество, взглянули вглубь своей души, чтобы понять эзотерическое значение таких действий (Рубин Бадахшана, 223).

Сообщества, в таких современных регионах как Таджикистане, Афганистане, Иране, Китае и Пакистане имеет богатую культуру и музыкальную традицию⁸, пролитые поэзией, музыкой и танцем, завещанные учениям Насира. Его учение сосредоточилось на понимании отношений материального мира с духовным, Божественных посланий через Пророка Мухаммада и внутреннее значениями этих посланий, передающиеся сообществу Имамом Времени (223). Работы Насира Хусрава также внесли существенный вклад в мусульманскую литературу созданные на персидском языке, и на персидский язык в частности. Во времена Насира Хусрава, интеллектуальные и философские беседы велись преимущественно на арабском языке, а его писаний философских проз велись на персидском языке, гарантируя его будущее как яркий и живой язык в Средней Азии и Иране.

Читатели книги «*Насир Хусрав, Рубина Бадахшан: Портрет персидского Поэта, Путешественника и Философа*» смогут принять участие в исследовании Ислама во

⁸ Современная работа «*Выражение Памира*» и программа «Инициатива Ага Хана в области музыкального творчества в Центральной Азии» (см. www.akdn.org), также как и похожие выставки и музыкальные программы, делают, богатое культурное и артистическое наследие этой области, доступным более широкой аудитории а также дают понять вдохновение, которое подкрепляет и удерживает веру сообществ Памирских Гор.

времена его золотого периода: процветающую среду Фатимидских халифов - имамов, их основных положений, доктрин и административную деятельность. Суждение Хансбергера и ее исследование поэзии и философию Насира также представляют собой сильный фундамент для более глубокого анализа истории и веры Иسمайлитов. Эта книга является идеальным введением для любого человека, заинтересованного всесторонним исследованием работ Хусрава и эпоху Фатимидов в истории Иسمайлитов.

Предложения для Дальнейшего Чтения

Музыка и Поэзия Памирских Гор, мультимедийная электронная галерея в сети www.iis.ac.uk

Berthels, E. "Nasir Khusraw," in *Encyclopaedia of Islam*, (1-е изд.) Т. 6, стр. 869-70.

Hunsberger, Alice. "Nasir Khusraw: Fatimid Intellectual" in Farhad Daftary (изд.), *Intellectual Traditions in Islam*. London, 2000. стр. 112-29.

Nanji, Azim. "Nasir Khusraw," in *Encyclopaedia of Islam*, (2-е изд.) Т. 7, стр. 1006-07.

Niyozov, Sarfarozi. "Evolution of the Shi'a Ismaili Tradition in Central Asia" in *The Ismaili UK*. London, Март 2002 (см. также www.iis.ac.uk).

Schimmel, Annemarie. *Make a Shield from Wisdom: Selected Verses from Nasir-i Khusraw's Divan*. London, 1993, переиздан в 2001.

Walker, Paul E and Wilferd Madelung. *The Advent of the Fatimids: A Contemporary Shi'i Witness*. London, 2000.